

Кони Анатолий Федорович

Федор Петрович Гааз

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А64

А64 **Анатолий Федорович К.**
Федор Петрович Гааз / Кони Анатолий Федорович – М.: Книга по Требованию, 2024. –
196 с.

ISBN 978-5-519-90129-1

ISBN 978-5-519-90129-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРОФЕССОРУ

ЛЕОНАРДУ ЛЕОПОЛЬДОВИЧУ

ГИРШМАНУ

ПРЕДИСЛОВІЕ

къ первому изданію

Лѣтомъ 1890 года, въ Петербургѣ состоялся четвертый международный тюремный конгрессъ, связанный съ чествованіемъ памяти знаменитаго англійскаго филантропа Джона Говарда, умершаго въ Россіи въ 1790 году. Предполагая произнести при открытіи засѣданій конгресса рѣчь о заслугахъ Говарда, авторъ предлагаемаго очерка занялся собираніемъ свѣдѣній о русскихъ его послѣдователяхъ. Нездоровье воспрепятствовало осуществленію этого предположенія,—но между свѣдѣніями о тѣхъ, кто шелъ у насъ по стопамъ Говарда, пришлось встрѣтиться съ данными, относящимися къ дѣятельности главнаго врача московскихъ тюремныхъ больницъ съ 1829 по 1853 годъ—доктора Федора Петровича Гааза.

Чѣмъ дальше шло ознакомленіе съ разбросанными по различнымъ изданіямъ замѣтками и воспоминаніями о Гаазѣ, тѣмъ ярче и привлекательнѣе выступала, въ своей величавой простотѣ, его совсѣмъ забытая въ настоящее время личность, въ нѣкоторой степени даже заслоняя собою образъ Говарда. Разборъ обширнаго архивнаго матеріала по дѣламъ и журналамъ Попечительнаго о тюрьмахъ Общества, разсмотрѣніе рукописей, писемъ и сочиненій Гааза и сно-

шенія съ людьми, лично его знавшими или слышавшимп о немъ отъ его друзей или близкихъ знакомыхъ,—дали возможность подробно изучить сердечную глубину и нравственную высоту этого человѣка во всѣхъ проявленіяхъ его трудовой, всецѣло отданной на служеніе человѣчеству жизни.

Результатомъ этого изученія былъ, въ 1892 году, рядъ публичныхъ чтеній о Гаазѣ, въ пользу голодающихъ. Содержаніе этихъ чтеній обработанное, и дополненное новыми свѣдѣніями, составляетъ предметъ пастоящаго очерка. Онъ все-таки далеко не полонъ. Быть-можетъ, однако, появленіе его въ печати вызоветъ къ жизни новыя воспоминанія о человѣкѣ, имя и дѣятельность котораго *не должны* быть оставляемы на жертву забвенію.

Принося искреннюю благодарность всѣмъ подѣлвшимся съ нимъ своими свѣдѣніями о Гаазѣ и въ особенности врачу Александровской больницы въ Москвѣ С. В. Пучкову, авторъ посвящаетъ свой трудъ профессору Харьковскаго университета и директору глазной его клиники Леонарду Леопольдовичу Гиршману.

Каждый, кому довелось встрѣтиться на жизненномъ пути съ докторомъ Гиршманомъ и передъ кѣмъ прошелъ чистый и человѣколюбивый образъ этого слуги и друга страждущихъ, пойметъ чувство, внушившее мысль посвятить именно ему очеркъ жизни Гааза, который, къ слову сказать, былъ тоже по своей специальности врачомъ глазныхъ болѣзней. Для тѣхъ же, кому не знакомо имя профессора Гиршмана, пусть послужатъ объясненіемъ посвященія заключительныя слова адреса студентовъ-медиковъ, поднесеннаго ему въ день тридцатипятилѣтія его дѣятельности, 24 сентября 1895 года:

«Учитель, научи насъ трудной наукѣ среди людей

остаться человекомъ,—паучи насъ въ больномъ видѣть своего брата безъ различія религiи и общественнаго положенiя,—паучи насъ любить правду, предъ ней одной преклоняться. Отдаваясь всей душой мгновеннымъ порывамъ къ добру, мы часто быстро падаемъ духомъ. Научи-же насъ, гдѣ черпать ту силу, чтобы до преклонныхъ лѣтъ сохранить чистоту и свѣжесть идеаловъ, чтобы жизнь, пригибая наше тѣло къ землѣ, не сгибала, не старила нашего духа.

«Учи-же насъ еще многіе и многіе годы, дорогой учитель,—отдавая свои силы и помыслы служенію больному брату, не извлекать корысти изъ несчастья ближняго, не дѣлать ремесла изъ священнаго призванія нашего!»

1896 г.

С.-Петербургъ.

I.

3-го іюня 1890 года, въ Петербургѣ, съ особою торжественностью, былъ открытъ четвертый международный тюремный конгрессъ.

Вступительная рѣчь В. Д. Спасовича была посвящена Говарду. Въ ней заслуги «великаго человѣколюбца» и его права на безсмертную славу были очерчены ярко и выпукло—и, безъ сомнѣнія, все многочисленное и блестящее собраніе ученыхъ тюремовѣдовъ и государственныхъ людей мысленно преклонилось предъ образомъ человѣка, который, по выраженію Бенгтама, нѣсколько видоизмѣненному ораторомъ, «he lived an apostle and died à hère»—жилъ какъ апостолъ и умеръ какъ герой.

И дѣйствительно, Говардъ вполне достоинъ этой славы и возданной ему чести. Онъ завѣщалъ потомству свое имя и свое дѣло. Написанное на скромномъ памятникѣ въ Херсопи, гдѣ внезапно окончилъ свои дни этотъ подвижникъ добра и справедливости, его имя имѣетъ право быть начертаннымъ въ сердцѣ каждаго человѣка, знакомаго съ исторіей европейской культуры и гражданственности. Дѣло Говарда—было дѣло великое, богатое благотворными послѣдствіями. Онъ положилъ начало *тюремному знанію*; онъ первый—и въ печати, и въ законодательствѣ

своей родины—потребоваль, настойчиво и убѣжденно, на ряду со справедливою суровостью закона по отношенію къ преступленію—состраданія къ человѣку, указывая на строгое отличіе кары отъ муки. Съ порога XIX-го вѣка, его личность и труды проливаютъ чистый свѣтъ разумной и глубокой критики тюремныхъ порядковъ, и въ этой критикѣ лежитъ корень всѣхъ дальнѣйшихъ тюремныхъ преобразованій.

«Народы любятъ ставить памятники своимъ великимъ людямъ,—говоритъ историкъ Соловьевъ,—по дѣла великаго человѣка суть памятникъ, поставленный имъ своему народу». Есть, однако, такіе избранники судьбы, которые своею дѣятельностью ставятъ памятникъ не одному какому-либо народу, а всему человѣчеству. Къ числу такихъ—отмѣченныхъ Богомъ людей—принадлежалъ и Говардъ. Но, отдавая ему всю справедливость, преклоняясь предъ его трудомъ, одушевленнымъ одною идеею и наполненнымъ, «ohne Hast, ohne Rast», всю его жизнь, надо, вмѣстѣ съ тѣмъ, признать, что онъ былъ, въ своей работѣ, поставленъ въ благопріятныя условія... Въ его распоряженіи была свободная печать его родины, сослужившая ему вѣрную и честную службу;—парламентъ съ особымъ вниманіемъ и уваженіемъ выслушивалъ доклады, основанные на его выводахъ и наблюденіяхъ;—европейскія правительства давали ему всѣ средства для собиранія матеріаловъ,—и за исключеніемъ короткаго времени, проведеннаго во французскомъ плѣну, онъ былъ всюду уважаемымъ гостемъ, предъ которымъ гостепріимно были открыты двери дворцовъ и предупредительно распахивались ворота тюремъ. Наконецъ, самая почва для его дѣятельности была отчасти подготовлена. Правительство и общественное мнѣніе Англіи давно уже интересовались состояніемъ тюремъ. Еще въ 1701—

1702 г., по порученію парламента, докторъ Брай, предсѣдатель комитета распространенія христіанскаго ученія, произвелъ подробное изслѣдованіе тюремныхъ помѣщеній въ Ньюгетѣ. Описаніе того, что онъ нашель, поражаетъ возмутительными подробностями. Не говоря уже о колодахъ, орудіяхъ пытки и о мореніи голодомъ, какъ довольно обычныхъ средствахъ «вразумленія» арестантовъ, достаточно указать, что для «смиренія» строптивыхъ, ихъ запирали въ тѣсное и душное помѣщеніе вмѣстѣ съ трупами умершихъ и оставляли ихъ въ такомъ сосѣдствѣ по шести и болѣе дней... Въ 1728—29 годахъ парламентъ назначилъ особую комиссію для изученія состоянія тюремъ въ Англіи и Уэльсѣ. Такимъ образомъ, несмотря на случайность этихъ изслѣдованій, узкость ихъ задачи и ограниченность ихъ района, почва для болѣе широкой дѣятельности Говарда подготовлялась сама собою.

Но главное условіе успѣшности трудовъ Говарда и ихъ широкаго приложенія состояло въ томъ, что его поддерживала волна общественнаго настроенія. Она несла и поднимала его на своемъ хребтѣ—и въ своей проповѣди состраданія и уваженія къ человѣку онъ не былъ одинокъ... Время, когда жилъ и дѣйствовалъ Говардъ, было ознаменовано особымъ подъемомъ духа. Христіанство, требовавшее, чтобы каждый «узналъ подобнаго себѣ—въ убогомъ варварѣ, въ рабѣ»... выдвинуло на первый планъ человѣческую личность, независимо отъ ея бытовыхъ и племенныхъ свойствъ. Эта личность явилась разлагающимъ элементомъ всего строя древняго міра, въ которомъ группа полноправныхъ гражданъ господствовала надъ массою неправыхъ рабовъ, полу-людей, полу-вещей. Средніе вѣка снова оцутали эту личность, втиснули ее въ различные союзы, придавили гнетущимъ авторитетомъ западной церкви.

Реформація была отвѣтомъ на послѣдній гнетъ, пробившимъ путь ко внутренней свободѣ духа. Но достоинство человѣка, права его личности, все, принадлежащее, независимо отъ внѣшнихъ условій, человѣку, какъ таковому, все, что можно было бы называть «das ewig Menschliche» — часто ставилось ни во что и подвергалось грубому и непужному поруганію.

Въ защиту человѣческой личности, въ осуществленіе истинно-христіанскаго отношенія къ падшему, больному, неопытному и беззащитному — выступилъ въ половинѣ XVIII в. цѣлый рядъ практическихъ мыслителей. Дружно, съ разныхъ сторонъ, но одушевленные однимъ чувствомъ, принялись они за работу — живописуя, взывая, указывая и поучая. Общество, а затѣмъ и законодательство прислушались къ ихъ проповѣди, уразумѣли ее и тронулись ею. И теперь во многихъ областяхъ дѣятельности и знанія, гдѣ приходится имѣть дѣло съ человѣкомъ, изученіе лучшихъ сторонъ этихъ знаній и дѣятельности заставляетъ обратиться съ благодарнымъ чувствомъ къ ихъ первоисточнику, — къ великимъ именамъ половины XVIII-го столѣтія. Въ это именно время занималась яркая заря новаго отношенія къ человѣку и къ его нравственному достоинству. Достаточно вспомнить, что въ одинъ и тотъ же краткій періодъ времени — Беккарія, въ своей удивительной книгѣ «о преступленіяхъ и наказаніяхъ», образнымъ, страстнымъ и вмѣстѣ изящнымъ языкомъ клеймилъ жестокость и мучительство, вѣѣвшіяся, какъ ржавчина, въ желѣзо уголовного закона; — Филанджіери въ восьми томахъ своей «*Scienza della legislatione*», со всѣмъ блескомъ молодого и богатаго знаніемъ ума, рисовалъ недостатки уголовного правосудія и указывалъ необходимые для ихъ исправленія въ духѣ человѣчности пути и способы; — Песталотци своими глубо-